

КАРИНА ДЕМИНА

ВЕДЬМЫ.РУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Оформление — *Марина Самойлова*
Иллюстрация на обложке — *Vatori (Анна Дзюкова)*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30   Ведымы.ру: [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. : ил. — (Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой).

ISBN 978-5-17-184977-1

Ульяна всегда мечтала о большой и дружной семье. Но никто не предупреждал, что мечты имеют обыкновение сбываться. И вот уже родственники из далёкой зауральской деревушки готовы с головой окунуться в столичную жизнь. А что, почти как заказывали. Любящая бабушка-ведьма печет пирожки с мухоморами. В подвале, потеснив стратегический запас картошки, обустраивается троюродный брат – вампир-аллергик. Ещё один, стеснительный оборотень с дородовой травмой, прячется по дому. Сад обживает козёл Фёдор Степанович, главное достоинство которого — выдержка и любовь к шахматам. Ну а помочь в делах сердечных готова любимая кузина, потому что русалки о любви знают всё. Или почти всё... Ах да, сама Ульяна, оказывается, не маг с дефективным даром, а ведьма.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184977-1

© К. Демина, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1.

О мышах, людях и дурацких шутках с непредсказуемыми последствиями

«Одним мощным толчком он вошел в нее, и она застонала, восхищенная его точностью».

Роман об очень большой любви

Не собиралась Ульяна ломать ему нос. И не нос тоже.

И в целом-то... случайно всё вышло. На нервах. Что поделаешь, нервы у неё не железные. Впрочем, от такой жизни и железные ржавчиной покроются.

Она ведь живой человек. Живой!

Главное, повторять себе это почаще.

— Тараканова! Ты о чём думала?! — Гневный вопль Егора Макаровича, у которого нервы тоже давно пошаливали, выплеснулся далеко за пределы начальственного кабинета. Тем паче пределы были весьма условными, обозначенными фанерными стеночками и такой же двери, напроць лишённой даже намека на звуконепроницаемость. — Ты понимаешь, что теперь будет?!

Он даже за грудь схватился. С правой стороны.

Потом опомнился, сдвинул брови прегрозно и руку на левую переложил.

— Я не специально! Просто он... он... — Ульяна подняла руку и осознала, что у неё нет ни сил, ни желания оправдываться. Да и не должна она. — Я на-

клонила, а он меня по заднице шлёпнул, — выдавила, потому как Егор Макарович явно желал получить хоть какие-то объяснения. — Потом схватил и на себя потянул. На камерах же видно.

Впервые она даже порадовалась, что в торговом зале эти самые камеры поставили.

— И что? — Егор Макарович сдвинул брови ещё ближе, отчего они почти столкнулись.

— И всё... я машинально... дёрнулась.

Чистая правда: дёрнулась, точнее распрямилась посмотреть, кто там смелый. И откуда ей было знать, что смелым оказался Мелецкий-младший, решивший лично проинспектировать вверенный его заботам торговый центр. И что стоял он слишком близко. И исключительно в силу этого затылок Ульяны с переносицей будущего графа соприкоснулся энергично, но без злого умысла.

Ну а переносица... Да не так сильно и хрустнуло, как этот придурок вопил. Подумаешь... На нём амулетов больше, чем на бродячей собаке блох.

— Ты ударила... — Егор Макарович приподнялся, опираясь на стол всем своим немалым весом. — Ты кого ударила... Хозяина! — Последнее он, как и полагает верному слуге рода, произнёс с придыханием и должной долей благоговения.

— А нечего было хватать, — буркнула Ульяна, осознав, что снова придётся искать работу.

Вот же... Две недели. Почти рекорд, если так-то.

И главное, ситуация же идиотская. И будь на месте человек менее дуроватый, посмеялись бы и разошлись. Но нет, Мелецкий и в универе отличался болезненным самолюбием. Вот и думай, случайно ли подошёл или с намерением.

Может, вообще нарочно разыграл. У него со студенческих времен страсть к идиотским розыгрышам.

— В общем так, — Егор Макарович дёрнул себя за галстук, будто этот нервный жест мог вернуть ему утраченное душевное спокойствие, — ты сейчас звонишь Даниле Антоновичу...

Ульяна не сразу и сообразила, что это он про Мелецкого.

Данила Антонович. Надо же...

— ...И договариваешься о том, каким образом будешь компенсировать ущерб. — Сказал и выдохнул. И на кресло своё упал. — Благо человек он незлобивый, понимающий, а красивой бабе и вовсе многое с рук спустить готов.

— Это вы о чём? — Ульяна почувствовала, как ушам становится тепло.

Чтоб тебя! Только не сейчас. Спокойно. Дышать глубже и представить что-то хорошее...

Но в голову лезли только складские полки в третьем секторе, которые свой срок давно отслужили и теперь держались чудом или неизвестным науке заклятьем. И то, как оные полки со всем барахлом валяются на курчавую макушку Мелецкого.

Мысль была до того заманчивой, что...

— Это я о жизни, Улька. — Егор Макарович ослабил узел. — Ты ж девка разумная... Упрямая, что коза... — Сам он... — И гордая, а толку-то? Что тебе с этой гордости? Девки ласкою жизнь строят. Пониманием. Готовностью к компромиссам.

Ага. Постельным.

На них Данька ещё на первом курсе намекал, почему-то решив, что Ульяна Тараканова спит и видит, как бы поскорей в его койке оказаться. А что отбивается, так это от избытка стеснительности. Стыдливость девичья говорит.

— Так что звони...

— Нет.

— Улька!

— Я с этим уродом спать не буду. — Ульяна скрестила руки на груди. — Вам надо, вы и...

— Тараканова!

— Я уже двадцать пять лет Тараканова! — рывкнула Ульяна, чувствуя, что ещё немного, и сила окончательно выйдет из-под контроля. По спине поползла капля пота. Крупная такая, щекотная. Но хотя бы отвлекла. — И не надо мне тут в уши лить! Уволить хотите? Увольняйте! Да я сама напишу заявление!

— Чтоб всё так просто...

— А если его нос беспокоит, пусть вызывает полицию, пишет заявление. Учиним разбирательство, камеры посмотрим.

— Ульяна, ну что ты сразу про камеры... Камеры могут и нерабочими оказаться.

— Всего ж неделя, как поставили.

— Вот! И отладить не успели. Оно, конечно, нехорошо, и претензию выдвинем... — И пухлыми ручками развёл, понимая, что претензия та будет к дочерней компании Мелецких.

— Ах так! Ну что ж... Пусть тогда сочиняет историю, как коварная девица налетела на него в тёмном закоулке и вдарила прямо в нос. — Ульяна упёрла руки в бока. — Он даже моральную компенсацию истребовать может. За оскорбление родовой чести и ещё чего там... Но только через суд.

Другое дело, что Данька с его болезненным самолюбием в жизни до суда не снизойдёт. Нет, до экономического-то вполне себе, но прилюдно признать, что ему девица нос сломала? Да никогда!

Отпускало. Даже представилось, как Мелецкий со скорбным видом излагает обстоятельства дела, и на душе разом легче стало.

— Оно-то конечно... Это ты верно говоришь, Тараканова, что можно так... полиция там, суд... Но оно кому надо-то? Никому не надо. — Егор Макаро-

вич не хуже Ульяны знал своё начальство. — Однако дело такое... у нас тут инвентаризация грядёт, и как знать, к чему там... Ты у нас лицо материально ответственное, а инвентаризация, поверь моему опыту, — это всегда недостача. И кому гасить?

Зря она успокаиваться начала. Определённо.

И даже не в словах дело, а в спокойной уверенности, с которой они произносятся, в понимании, что не она первая и не она последняя и что дурочек таких Егор Макарович повидал великое множество. И управляться с ними научился.

— Так что иди, Тараканова, и подумай над своим поведением, — заключил он спокойно. — Иди, иди, не держу. Можешь считать, что отпускаю.

Вот сволочь!

Сила рванулась, но Ульяна удержала её, как и нецензурные слова, готовые слететь с языка. Надо дышать. Вдох и выдох. И дверь закрыть. И... дверь выходит в узкий коридорчик, который тянется вдоль стены. Мимо норы печального кадровика, предпочитавшего на люди не показываться, мимо бухгалтерии, комнаты для персонала, где вместились стол с микроволновкой, шкаф для посуды, холодильник и узенький топчан.

— Ну чего? — Обнаружившаяся в закутке Люська вскочила. — Уволил, да?

— Если бы. — В конце концов, к увольнениям Ульяна может даже привыкла. Это первые несколько раз обидно, а потом как-то спокойнее воспринимается. — Велел прощение выпрашивать.

— Как? — Глаза Люськи, огромные и голубизны невероятной, распахнулись.

— Как, как... Горизонтально. Или вертикально. Уж не знаю, как он предпочитает. Главное, чтобы интенсивно.

— Вот скотина! — Люська бросила взгляд на часы.

Ну да, перерыв пятнадцать минут, и Егор Макарович очень тщательно следит, чтобы персонал не задерживался. А лучше вовсе от перерывов воздерживался, служебное рвение проявляя. Но с последним не получалось.

— Ещё какая. — Ульяна дёрнула галстук, и ткань затрещала. Денег точно не заплатят. Ещё и за редкого неудобства форменный костюм вычтут. — Сказал, если не постараюсь, долг навесит. По итогам инвентаризации.

— Да? — Люськин рот округлился. — А ты...

— Да пошёл он. Не собираюсь я ни под кого ложиться. Достали! Нашли девочку по вызову.

— На, — Люська сунула кофе, — только что сделала. Тебе нужней... Ты это, не пори горячку. Девчонки говорят, он ничего так.

— Кто?

— Данила Антонович. С придурью, конечно, но добрый. Позвони. Извинись. Это Макарович дурит, а так-то... может, и договоритесь. Ну... нормально. — Пиликнул таймер, поторапливая. — Ты, главное, позвони. — И Люська спешно выскочила за дверь.

— Обойдётся, — буркнула Ульяна, прихлёбывая кофе.

Почти остыл. И делала Люська для себя, поэтому слабый, наполовину разбавленный молоком и сладкий до омерзения. Но сейчас эта сладость пришлась как никогда к месту: сила успокаивалась.

Вот так, вдох и выдох. И медитацию бы... Но не здесь, домой надо. Чёрт, на двенадцатичасовую маршрутку она опоздала, а следующая в пять. И что делать? Пешком? Или надеяться на попутку? Не с Ульяниной удачей. Но и здесь торчат не выход, значит, остаётся электричка, а там пешком.

— Чтоб вас всех! — Она допила кофе и поморщилась от противной сладости. Посуду вернула в шкаф,

ополоснув: Люська в Ульяниных бедах не виновата, а кружку эту она любит. — Ничего, как-нибудь...

Ульяна накинула ветровку поверх тонкого жакета, который она с удовольствием оставила бы в шкафчике, если б такие вдруг появились. Но закуртка, куда можно было бы всунуть эти самые шкафчики, на нескольких тысячах квадратных метров полезного пространства не нашлось. Туфли отправились в пакет, потому что пластик прогулки по просёлочной дороге точно не выдержит. Сумочку на плечо и — домой. Пока ещё чего не приключилось.

Сила, конечно, придремала, но спокойствие её было обманчивым.

Выходила Ульяна чёрным ходом, да и к нему пробиралась закоулками, боясь встретить кого-то слишком любопытного. Оказавшись на улице, на стоянке, выдохнула с облегчением. Теперь на остановку и...

— Улька! — Слегка гнусавый громкий голос заставил замереть. — Тараканова! Стой!

Чтоб... этот паразит что, караулил?!

— Стою. — Ульяна сделала глубокий вдох.

Спокойствие. Главное, спокойствие.

А хорош... Как и подобает отпрыску семейства благородного, пусть и не обременённого уходящею в дебри веков родословной, вид Данила Антонович имел весьма достойный. Приятные черты лица, спортивное телосложение. Личный стилист сгладил некоторые нюансы внешности, и оттопыренные уши в глаза не бросались. Почти.

Странно, что пластику не сделал.

— А я подумал, что ошибся! А это ты! — Улыбка Данилы Антоновича была широка и полна безыскусной радости, даже счастья. — Я ж ещё подумал, что задница какая-то больно знакомая! Вот и не удержался!

Интересно, это можно считать извинением?

— Я вот тоже... не удержалась, — буркнула Ульяна.

— А... это да, прикольно, — Данила пощупал переносицу, — от души зарядила.

И сказал-то так, без претензий. Может, всё не так и плохо?

— Сильно?

— Ну так... в голове зазвенело. Были бы мозги, отшибла бы. — Улыбка стала ещё шире. — Но нет худа без добра. Теперь ты, Тараканова, от меня точно не сбежишь!

— Что?!

Всё-таки плохо.

Ну а на что Ульяна в самом деле надеялась? На совесть? Какая у него может быть совесть, он же привык, что с малых лет вокруг хороводы водят.

— Начнём, думаю, с ресторана, — Данька ловко подхватил Ульяну за руку, — а там видно будет. — И подмигнул.

Выразительно. С явным намёком.

— Ты серьёзно?

— Ну да... — Если он и дальше так улыбаться будет, щёки треснут. — Ты мне теперь должна, Тараканова, так что не отвертись!

Сволочь. Такой же, как... Даже хуже.

Егор Макарович просто старается. Во славу рода. Или ещё из-за какой придури. Или на премию рассчитывает, а то и вовсе на повышение. Но этот... этот...

— Как-то странно ты на меня смотришь, Тараканова. — Данька руку отпустил и отступил. — Не хочешь в ресторан, можем в баню...

— В баню?

— Ну в сауну, спа... куда там ещё?

— У меня жених есть, — сама не зная зачем ляпнула Ульяна.

— А у меня невеста. И что? — Он пожал плечами. — Мы ж им не скажем. И вообще... Может, я на тебе женюсь!

— Ты? — От удивления сила, пришедшая было в движение, застыла. — На мне?

— А чего? Ты мне давно нравишься. Упёртая. И рожа ничего так.

— Рожа...

— Ну лицо! Извини! Физия. Лик пресветлый!

— Хватит! Я поняла.

— Тогда чего орёшь?!

— Я ору?! — Хотя Мелецкий всегда бесил Ульяну, прям до белого каления.

— Так что, прокатимся? — резко сбавив тон, поинтересовался Данила и этак небрежненько руку ей на плечо закинул, к себе притянул, приобнимая.

— Куда?

— А куда скажешь. Можем в ресторан. Или в сауну. А то давай сразу ко мне, а? Чего там на всякую фигню размениваться...

И за задницу ущипнул.

Может, если б не ущипнул, Ульяна бы сдержалась. Она честно хотела сдержаться, да только этот щипок...

— У меня матрас новый, повышенной комфортности, — продолжал мурлыкать Данила на ухо, — протестируем...

— Знаешь что... — сила вдруг выплеснулась и повисла рыхлым облаком, продемонстрировав полную Ульянину несостоятельность, — да иди ты...

— Скучная ты девка, Тараканова, — как ни странно, руку Данила убрал, — нет в тебе, — он щёлкнул пальцами, будто издеваясь, — не то что огонька, даже искорки.

Огоньки заплясали на кончиках.

Рисуется, сволочь. Почуял выброс и понял, что с университетских времен с контролем у неё лучше не стало.

— Так и помрёшь старой девой.

— В окружении котов?

Ульяна попыталась заставить силу сложиться в простейший конструкт, но облако пыхнуло и увеличилось вдвое. Причём рассеиваться не спешило.

— Да нет, Тараканова. Тебя с твоим характером даже коты не выдержат.

Огоньки меж тем вытянулись, пересекаясь друг с другом, сходясь и расходясь, сплетаясь сложным узором. Тонкий стебель, листочки полупрозрачные. И лепестки. Почти настоящие.

— Держи. — Данила протянул цветок.

— Невесте своей подари, — буркнула Ульяна, чувствуя престранную обиду.

— Ей я ещё сделаю, — отмахнулся, — а ты держи. Кто ж тебе ещё подарит?

Никто.

И это было тройне обидно, потому что... Потому что правда. Никто и никогда не дарил Ульяне цветов. И не подарит. Наверное, поэтому она и потянулась. И коснулась почти настоящего стебля. И кажется, даже покраснела.

— Спасибо...

Цветок в руке имел вес. И запах. Магия всегда пахла удивительно, у всех по-разному. Данькина вот — еловым лесом, соленым морем и самую малость дымом. А ещё почему-то пончиками с повидлом.

— Погоди... — Данька протянул было руку, то ли поправить хотел, то ли забрать собирался, но цветок вдруг лопнул прямо в лицо, окатив Ульяну водопадом огненных брызг. И не больно, но...

Обидно. До того обидно, что в глазах потемнело.

Вот, значит, как. Она поверила... Нашла кому. Сама дура, давно пора понять, что верить в этой жизни никому нельзя. И плакать тоже. А потому Ульяна закусила губу, пытаясь сдержать слёзы. Они и высохли, только облако силы сжалось.

А толку-то. Всё равно ничего у Ульяны не выходит. И по жизни. И с магией.

— Это шутка такая... — Данила сделал шаг назад. — Пранк, просто пранк.

Просто...

— А знаешь... — Ульяна вдруг поняла, что голос её звучит ровно. И плакать не хочется. Совершенно. Хочется сделать что-то... что-то такое... — Ты пошутит. И я пошучу. Идёт?

Данька мотнул головой.

Искорки ещё кружили в воздухе. И таяли, касаясь кожи. Красивые. У неё в жизни так не получалось. И не получится. И наверное, это несправедливо, когда одним по жизни всё, а другим, вот как Ульяне, только тающие искры чужого волшебства.

— Да ладно тебе, — не слишком уверенно произнёс Мелецкий, — шутка же. Может, и не смешная, хотя... Ты бы рожу свою видела, Тараканова. Такая... такая... Надо было заснять.

— Иди-ка ты, Данила Антонович, к своей невесте. Её и донимай. Что пранками, что всем остальным. А о других забудь.

Сила круганулась и сплелась в вихрь.

— Чего?

— Того, — рявкнула Ульяна. — С невестой. А больше ни с кем! Ни того! Ни этого!

— Ну лады, понял. — И руки поднял, показывая, что сдаётся. Шут гороховый. И как в одном человеке могут уживаться и придурь, и горделивое осознание собственного величия? — Переборщил... А давай я тебе премию выпишу, а? Или нет, лучше!

Я тебе новый телефон подарю, хочешь? Мне батя через своих партию выбил. «Русичи» тринадцатые, до официального старта... — Вихрь закручивался, но развеиваться не спешил. — И я тебе подарю. Честно. Один поцелуй, и... — Он осёкся. — Могу и так, без поцелуя. Слушай, Тараканова, что-то не нравится мне, как ты на меня смотришь. У тебя лицо такое — жуть просто. Не хочешь телефон, так скажи. Во! Давай на работе... повысю? Повышу? Короче, главной сделаю. Хочешь — над отделом, хочешь — над всем центром... — И рученькой махнул, на центр указывая.

— Да пусть твой центр мыши сожрут! С телефонами вместе.

Вихрь крутанулся, сорвался и, поднявшись в небо, растаял. Вот же ж...

И главное, при чём тут мыши-то?

Глава 2, *в которой странный день продолжается, а ещё прибывают гости*

«В горах был монастырь, и в нём жили мцыри.
Потом одна мцыря убежала...»

Из школьных сочинений

Попутку, само собой, поймать не удалось. Машины проносились мимо, словно водители и на расстоянии чувствовали раздражение Ульяны. И мысли.

Уволят или нет? И если нет, то, может, самой? А потом куда?

Кому нужен недомаг, пусть и с дипломом, зато без силы и без способности эту силу контролировать? Это ещё хорошо, что пока толком не поняли. А подаст кто жалобу, потом проверка, и дар вовсе запечатают.